

Багновская Нела Михайловна

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЕРМИНА "ЧЕРКАСЫ" ОТНОСИТЕЛЬНО СРЕДНЕГО ПРИДНЕПРОВЬЯ XVI-XVII ВВ.

В статье рассматривается так называемая "черкасская" проблема - появление и бытование термина "черкасы" применительно к населению среднего Приднепровья. Автор подчеркивает необходимость разграничивать три вопроса: о происхождении этнонима "черкасы", о происхождении ряда географических названий (прежде всего г. Черкасы) и, наконец, кого именовали "черкасами" источники XVI-XVII вв. Приводятся данные о социальной окраске исторического названия "черкас" и делается вывод, что для условий XVII в. термин "черкасы" являлся региональным экзоэтнонимом с ярко выраженными социальными особенностями.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 1. С. 23-26. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Итак, у Шеллинга понятие свободы раскрывается через метафизику единого. Осуществление человеком себя в качестве свободного существа есть осуществление себя как духа, где бытие, деятельность и воля слиты воедино. Если воля и деятельность не освящены разумом, а реализация в наличном бытии сводится к произволу неразумения, что выливается в совершение аморальных поступков, то под вопросом оказывается идентичность человеческого существа [1, с. 19]. Но, с другой стороны, в свете логики исторического процесса предполагается наличие эпох, где темная основа человеческой природы максимально проявлена. Последнее, полагает Шеллинг, необходимо для того, что добро, очищенное от своей раздвоенности (не-тождественности, т.е. зла), стало актуальным, действенным, а воля человека, определившись, преодолела дуальность.

Список литературы

1. **Бабаева А. В., Спасский А. Н., Шмелева Н. В.** Проект Шеллинга о реформе университетского образования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45): в 2-х ч. Ч. 1. С. 18-20.
2. **Гулыга А. В.** Шеллинг. М.: Молодая гвардия, 1984. 350 с.
3. **Идеология и наука (дискуссии советских ученых середины XX века).** М.: Прогресс-Традиция, 2008. 288 с.
4. **Клецкин М. В.** Бытийственная представленность сущего // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (65): в 2-х ч. Ч. 2. С. 81-83.
5. **Лазарев В. В.** Этическая мысль в Германии и России. Шеллинг и Вл. Соловьев. М., 2000. 167 с.
6. **Тимофеев А. И.** Исследования основания бытия человека в классической немецкой философии. СПб., 2000. 168 с.
7. **Шеллинг Ф.** Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Немецкая классическая философия: в 2-х т. М., 2000. Т. 1. С. 654-765.

ONTO-GNOSIOLOGICAL ASPECTS OF FREEDOM PROBLEM IN J. SCHELLING'S WORKS

Babaeva Anastasiya Valentinovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Pastushenko Polina Igorevna

Polyakova Anna Sergeevna

Malyshev-Sankin Aleksei Viktorovich

Klyuev Artem Andreevich

Minin University

dff1890@yandex.ru; pastushenkop@bk.ru; forskypemail@yandex.ru;

meschyaningorodaN@yandex.ru; artemklyuev1@gmail.com

The article analyzes the interpretation of freedom problem in J. Schelling's creative work. On the basis of the methodological principle considered by Schelling himself as "ideal-realism" the paper aims to prove that the ethical aspect of freedom problem, contrary to domestic historiography, is not a key one with the German philosopher. According to the authors, it's onto-gnosiological aspect taking its origin from Plato's and Neo-Platonists' philosophy that makes Schelling's approach relevant and efficient.

Key words and phrases: "ideal-realism"; freedom; human being; subject; absolute identity; ethics.

УДК 314(075.4)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается так называемая «черкасская» проблема – появление и бытование термина «черкасы» применительно к населению среднего Приднепровья. Автор подчеркивает необходимость разграничивать три вопроса: о происхождении этнонима «черкасы», о происхождении ряда географических названий (прежде всего г. Черкасы) и, наконец, кого именовали «черкасами» источники XVI-XVII вв. Приводятся данные о социальной окраске исторического названия «черкас» и делается вывод, что для условий XVII в. термин «черкасы» являлся региональным экзоэтнонимом с ярко выраженными социальными особенностями.

Ключевые слова и фразы: черкасы; переселенческие движения; этноним; экзоэтноним; казачество.

Багновская Нела Михайловна, д.и.н., профессор

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

nkashtan@yandex.ru

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЕРМИНА «ЧЕРКАСЫ» ОТНОСИТЕЛЬНО СРЕДНЕГО ПРИДНЕПРОВЬЯ XVI-XVII ВВ.

С конца XVI в. на службе в пограничных городах Русского государства появились «черкасы». Со второй половины XVII в. до 20-х гг. XVIII в. идет массовое заселение юго-западной окраины Русского государства черкасами [30, с. 8].

Черкасами, начиная с XIV в., в восточнославянских летописях называли бывших касогов (современных адыгейцев или черкесов) – коренных жителей северо-западного Кавказа. Украинская топонимия сохранила интересные сведения о тесных исторических связях народов Кавказа и современной Украины. Некоторые исследователи даже высказывали мнение об адыгском происхождении украинского казачества [16, с. 78-92], что, без сомнения, не выдерживает критики, так как казачество было продуктом внутреннего развития украинского и русского общества XIV-XVI вв. Недавние работы Медико-генетического научного центра РАМН (в сотрудничестве с английскими и эстонскими учёными) подтвердили сходство протестированных украинцев с южными белорусами, западными и северными русскими (потомками насельников земель Руси вдоль её основной транспортной артерии – водного пути «из варяг в греки»), а также южными славянами [26, с. 163].

В так называемой «черкасской» проблеме [5, с. 27-34] следует разграничивать три вопроса: во-первых, о происхождении этнонима «черкасы», во-вторых, о происхождении ряда географических названий (прежде всего г. Черкасы) и, наконец, кого именовали черкасами источники XVI-XVII вв.

Относительно среднего Приднепровья этноним черкасы находим под 1152 г. в Московском летописном своде конца XV в. [18, с. 54], откуда он попадает в списки Воскресенской летописи [4, с. 240] и Лаврентьевского списка Никоновской летописи [22, с. 191]. В русских летописях этноним «касоги» последний раз упоминается в 20-х годах XIII в. [9, с. 69; 14, ст. 446, 504; 32, ст. 338], а уже с начала XIV в. на страницах летописей появляется этноним «черкасы» (черкасы, шеломы черкасские – 1346, 1366, 1380 гг.) [9, с. 108, 125; 22, с. 27; 23, с. 12, 29, 80, 165; 28, ст. 57, 139], а также топоним «горы Черкасские» (1318-1319 гг.) [9, с. 99; 28, ст. 39; 32, ст. 411; 34, с. 111] и собственное имя Черкас под 1339 г. [22, с. 210].

В восточных (персидских, арабских и византийских) источниках слово и словосочетание с корнем «черкес» (черкес, Черкессия, страна черкесов, войска черкесов, племена черкесские и пр.) появляются со второй половины XIII – XIV в. [27, кн. 1, с. 66, кн. 2, с. 68, 275; 33, с. 149, 231, 234, 288, 306, 503; 35, с. 15]. В западноевропейских мемуарах этнонимы «чиркасы» и «чекисы» упоминаются с 40-50-х годов XIII в. [25, с. 57, 111], а армянские источники конца XIII в. уже знают черкесов [10, с. 32]. В монгольской хронике 1240 г. среди народов, завоеванных военачальником Чингисхана Субегаем-Баатуром, названы и «серкесути» [12, с. 189, 192], которых не без оснований считают черкасами [11, с. 236]. Кроме того, Рашид-ад-Дин упоминает имя Черкес [27, с. 183]. Таким образом, этноним «черкес» относительно Северного Кавказа впервые упоминается под 1240 г., а немного позднее – в других письменных источниках. По мнению исследователей, в русские летописи этноним «черкасы» вместо древнерусского «касоги» попал опосредованно – через западноевропейцев, чем и объясняется его запоздалое употребление лишь в начале XIV в. [3, с. 25]. Русские летописи в XIII в. продолжают именовать адыгов «касогами», но на рубеже столетия постепенно в них появляется новый экзоэтноним «черкесы» [7].

Подавляющее большинство исследователей и в первую очередь краеведы и популяризаторы связывают появление названия «черкасы» на Днепре с черкесскими переселенцами [6, с. 43; 36; 37, с. 648]. В известном «Описании всех обитающих в Российском государстве народов...» излагается история появления на Днепре черкас в 1282 г., когда татарский баскак в курском княжении призвал черкас из Пятигории (Бештау) и населил ими слободы. Но позже, в результате многочисленных жалоб на них, хан разрешил курскому князю Олегу разорить жилища черкас и разогнать их самих, что Олег и сделал. Впоследствии они поселились по Днепру и построили город Черкасы. Далее автор пишет, что первые черкасы, которых называли также казаками, «бывшие природными черкасами со временем перевелись, так как основная их масса жила без семейств по обычаю казачьему, а место их заступили малороссияне, но название “черкасы” удержалось за ними, а потом было перенесено на всех, живших под их зависимостью и влиянием» [21, с. 236-237]. Многие исследователи в целом разделяют это мнение, считая, что часть черкасов, переселившись с Кавказа в Поднепровье еще до литовского завоевания, передала свое этническое название некоторым географическим объектам и среди них городу Черкасы, а со временем прямо или опосредовано, возможно, через название города-крепости, как значительного центра казачества – всему украинскому казачеству, среди которого собственно черкасы давно растворились [13, с. 156-157; 15, с. 65; 24, с. 53-57; 31, с. 82-83].

Но само название «черкасы» и ряд географических названий, прежде всего г. Черкасы, безусловно, связаны с адыгами. Так, М. Фасмер считает, что название г. Черкасы несомненно происходит от названия черкесов, но не обязательно основание города связано с собственно черкесскими поселениями. Источником этнонима «черкес» Фасмер видит осетинское «соergoes» из «саркас» – «орел» [38, с. 343-344]. Вслед за Фасмером, современный украинский исследователь М. Ф. Пономаренко выводит термин «черкес» от осетинского «орел» [24]. Другой украинский исследователь Ю. Ю. Мариновский категорически не согласен с подобной версией происхождения термина «черкесы», но при этом своего варианта его происхождения не приводит. Он считает, что топоним «черкасы» на Днепре появился во второй половине XIII в. и никакого отношения к черкесам северо-западного Кавказа не имеет. «Это скорее разные слова и по происхождению, и по значению» [17, с. 65]. В то же время мнение большинства исследователей об интенсивных связях между населением среднего Приднепровья и Кавказа, существовавших примерно до XII-XIII вв., дает основание считать происхождение термина «черкасы» связанным с адыгским населением южнорусских степей и Северного Кавказа. Позже, до XVIII в., эти связи хотя и не обрывались совсем, но значительно ослабли [31, с. 66].

О социальной окраске исторического названия «черкас» свидетельствуют источники XVI в. – это своеобразный вольный воин, казак. В это время почти ни одна война и военное столкновение не обходились без участия черкас. В различных документах они фигурируют либо в войске польских королей, либо на службе

у крупных польских магнатов [1, с. 85; 2, с. 13-131; 29, л. 143-144]. Причем в первом случае они могут именоваться в одном и том же документе как «черкасами», так и «поляками» [1, с. 85], так как в те времена при определении различных групп населения на первом месте, в зависимости от обстоятельств, стояло обычно подданство того или иного государства, отношение людей к службе или конфессиональная принадлежность.

Петербургский исследователь А. С. Мыльников, рассматривая сложившуюся в литературе XVI – начала XVIII в. традицию использования этнонимов, приходит к выводу, что маркировка этносов включала три взаимосвязанных структурных компонента: этнический (этническое название), государственно-политический (политоним) и религиозный (конфессионим) [20, с. 300]. В зависимости от обстоятельств один и тот же человек получал различное определение. Так, житель Великого княжества Литовского Франциск Скорина за границей именовал себя «литвином», иногда «русином», а внутри страны – обычно «полочанином» [19, с. 50-51]. В подобных случаях этническая принадлежность отражалась лишь частично, так как в числе подданных государства (в частности Литвы) были группы населения и отдельные лица иной этнической принадлежности. В таких случаях этноним выступает как политоним – этноним «литвин» означает государственную (политическую) принадлежность его носителя. Свою корректировку в понятие этнической и государственной принадлежности вносил конфессиональный фактор. Он был исключительно важным в рассматриваемый период и нередко идентифицировался с этнической принадлежностью. «Стать русским» означало принять православие, поскольку в белорусской и украинской народной среде православие, в противоположность «польской», то есть католической, вере, именовалось «русской верой». По той же причине белорус-католик воспринимался поляком или литвином, пусть по этнокультурной традиции и языку он им и не был.

Несомненно, на развитие населения изучаемого региона, помимо названных компонентов, оказывали воздействие и внутренние, и особенно внешние факторы: военное противостояние Русского и Польско-Литовского государств и, как следствие военных действий, частое перемещение государственных рубежей, а также последствия раздробленности Древнерусского государства на самостоятельные и полусамостоятельные княжества. Эти обстоятельства во многом способствовали консервации этнотерриториального и культурного регионализма. В XVII-XVIII вв. к названным факторам следует добавить социально-демографический: рост роли и значения служилого сословия – казаков и переселенческие движения. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что для условий XVII в. термин «черкасы» являлся региональным экзоэтнонимом с ярко выраженными социальными особенностями.

Список литературы

1. **Акты Московского государства, изданные имп. Академией наук.** СПб., 1890. Т. 1.
2. **Анпилогов Г. Н.** Новые документы о России конца XVI – начала XVII века. М., 1967.
3. **Волкова Н. Г.** Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
4. **Воскресенская летопись** // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1856. Т. 7.
5. **Горленко В.** Про походження назви «черкаси» щодо українців XVI-XVII ст. // Українське козацтво: витоки, еволюція, спадщина. Київ, 1993. Вип. 2.
6. **Гудзенко П. А.** Черкаська область: географічний нарис. Київ, 1959.
7. **Дзамихов К. Ф.** Адыги (черкесы) в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.) [Электронный ресурс]. URL: http://adhist.kbsu.ru/book/2/2_1_1.htm (дата обращения: 11.03.2015).
8. **Дяченко М. Т.** Етнографічні дослідження Слобідської України в XVIII – першій половині XIX ст.: дисс. ... д.и.н. Киев, 1970.
9. **Ермолинская летопись** // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23.
10. **История монголов по армянским источникам** / пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1873. Вип. 1.
11. **История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.** М.: Наука, 1988. 554 с.
12. **Козин С. А.** Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М. – Л., 1941. Т. 1.
13. **Коков Дж. Н.** Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966.
14. **Лаврентьевская летопись** // ПСРЛ. М., 1962. Т. 1.
15. **Лавров Л. И.** До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. Київ, 1961. № 3.
16. **Лещенко А. Ф.** К вопросу о происхождении украинского казачества // Сборник статей по экономике и культуре. Краснодар, 1927. Вип. 1.
17. **Мариновский Ю. Ю.** Ще раз про назву міста Черкаси // Мовознавство. 1991. № 4.
18. **Московский летописный свод конца XV в.** // ПСРЛ. М. – Л., 1949. Т. 25.
19. **Мыльников А. С.** Земля – государство – этнос: Франциск Скорина в контексте этнокультурных представлений раннего Нового времени // Кунсткамера: этнографические тетради. 1995. Вип. 8-9.
20. **Мыльников А. С.** Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: представление об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999.
21. **Описание всех обитающих в Российском государстве народов...** СПб., 1799. Ч. IV.
22. **Патриаршая или Никоновская летопись** // ПСРЛ. М., 1965. Т. 10.
23. **Повести о Куликовской битве.** М., 1959.
24. **Пономаренко М. Ф.** Про назву міста Черкаси // Мовознавство. 1988. № 6.
25. **Путешествие в восточные страны Плано-Карпини и Рубрука.** М., 1957.
26. **Пшеничнов А. С., Соловьёва Д. С., Дибирова Х. Д., Мансуров Р. И., Ищук М. Л., Балановская Е. В.** Генофонд украинцев: оценка внутри- и межэтнической изменчивости по трём типам ДНК-маркеров (мтДНК, Y-хромосома, аутосомным) // Материалы Международной конференции «Генетика в России и мире», посвященной 40-летию ИОГен им. Н. И. Вавилова РАН. М., 2006.
27. **Рашид-ад-Дин.** Сборник летописей. М. – Л., 1952. Т. 1. Кн. 1; Кн. 2.

28. Рогожский летописец // ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Вып. 1.
29. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Посольский приказ. Кн. 22. Польские дела.
30. Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины в XVII-XVIII вв. Харьков, 1964.
31. Стрижак О. С. Звідки назва міста Черкаси // Українська мова і література в школі. Київ, 1968. № 2.
32. Тверская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 15.
33. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1; М. – Л., 1941. Т. 2.
34. Типографская летопись // ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24.
35. Успенский Ф. И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // Путешествие в восточные страны Плано-Карпини и Рубрука. М., 1957.
36. Черкасы [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Черкасы> (дата обращения: 06.06.2016).
37. Черкаська область. Історія міст і сіл Української РСР. Київ, 1972.
38. Этимологический словарь М. Фасмера. М., 1973. Т. 4.

ON THE ORIGIN OF THE TERM “CHERKASSY” WITH REGARD TO THE MIDDLE DNIEPER REGION IN THE XVI-XVII CENTURIES

Bagnovskaya Nela Mikhailovna, Doctor in History, Professor
Plekhanov Russian University of Economics
nkashtan@yandex.ru

The article deals with the so-called “Cherkassy” problem – the emergence and existence of the term “Cherkassy” with reference to the population of the Middle Dnieper region. The author emphasizes the need to differentiate between three issues: the origin of the ethnonym “Cherkassy”, the origin of a number of geographical names (primarily the town of Cherkassy), and finally who were called “Cherkassy” in the sources of the XVI-XVII centuries. The data on the social coloration of the historical name of “Cherkassy” are given and it is concluded that for the conditions of the XVII century the term “Cherkassy” was a regional exo-ethnonym with strong social peculiarities.

Key words and phrases: Cherkassy; migration movements; ethnonym; exo-ethnonym; the Cossacks.

УДК 94(47).084.8

Исторические науки и археология

В статье рассматривается жизнедеятельность Саратовского медицинского института в годы Великой Отечественной войны. Автором анализируются направления деятельности вуза: учебное, научно-исследовательское, военно-патриотическое, общественное. Показана роль института в организации госпиталей в регионе, ведении лечебной и консультативной работы в них. Делается вывод о коренной перестройке работы института в условиях военного времени и об огромном вкладе сотрудников вуза в дело оказания медицинской помощи на фронте и в тылу.

Ключевые слова и фразы: Великая Отечественная война; Саратовский медицинский институт; научно-исследовательская деятельность; учебный процесс; профессорско-преподавательский состав; студенты; госпитали.

Гижов Владимир Александрович, к.и.н., доцент

Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова
Gijov@mail.ru

САРАТОВСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны Саратовское Поволжье являлось одним из самых мощных тыловых медицинских центров в стране. Огромную роль в жизни региона сыграла разносторонняя деятельность Саратовского медицинского института. В данной работе автор попытается рассмотреть различные направления деятельности вуза в годы Великой Отечественной войны.

Вузовские работники Саратова, как и все остальное население города, приняли участие в мобилизационных процессах военного времени. Многие из них добровольно, не дожидаясь повесток из военкоматов, пришли на призывные пункты и влились в ряды вооруженных сил. Ушли на фронт многие сотрудники и выпускники медицинского института: В. С. Комарова, Б. Г. Вольнский, М. Г. Шуб, А. А. Землянская, Л. Н. Гольдштейн, К. И. Мышкин, Т. А. Куницына, И. М. Поповьян, Г. Н. Захарова, Н. Ф. Шляпников, М. Б. Голькин, В. Е. Миловидов, В. Н. Лобанов, М. М. Шабанов, Л. А. Котельникова, Г. Г. Карпель, Е. А. Рысцова, А. Е. Сумовская, М. И. Анисимова, К. Н. Егорова и др. [7, с. 232-233].

Тыловое положение Саратова, куда хлынули эвакуированные потоки, привело к возникновению сложностей с жильем: нехватка общежитий заставляла вузовский персонал «ютиться по углам», на частных квартирах, пригородных дачах, что, естественно, затрудняло своевременное прибытие к месту учебы, работы. Некоторые вузы имели студенческие общежития, однако они не могли вместить всех желающих. Так, например,